

ЖИЗНЬ И ПРИЗВАНИЕ. ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Своеобразие Санкт-Петербургского университета в том, что он изначально был государственным учреждением. Наш университет был создан при Академии наук, его задачей была подготовка ученых для нужд государства. В европейских университетах ректор избирался, но администратор назначался Римом еще в XVIII веке. Главным был факультет теологии. Богословское образование в России получали в духовных семинариях и академиях. Первым учебным заведением была Киевская братская школа (1615–1631), предназначенная для изучения классических языков, риторики, богословия и некоторых предметов элементарного образования. Славяно-греко-латинская академия — первое в России высшее учебное заведение, которое было открыто в Москве еще в допетровские времена (1687). Преподавание философии началось с открытия Академического университета (1724). В первой половине XIX в. в университете существовал сначала философско-юридический, а затем, с 1835 по 1850 г., философский факультет. В 1864 г. на историко-филологическом факультете было возобновлено преподавание на кафедре философии, специализация на которой до середины 1880-х годов велась в двух группах, одна из которых примыкала к классической, другая — к славяно-русской филологии.

Современный философский факультет был открыт в Ленинградском государственном университете 1 сентября 1940 г. За восемь десятилетий обучения философии факультет воспитал несколько поколений преподавателей и исследователей в области философии. Сначала на факультете были открыты три кафедры (диалектического и исторического материализма, истории философии, педагогики). В 1944 г. добавилась кафедра психологии, а в 1947 г. — кафедра логики. В конце XX в. функционировали уже восемнадцать кафедр.

В 2013 г. произошли структурные изменения: философский факультет был преобразован в Институт философии, начался процесс укрупнения кафедр¹. В настоящее время преподавание ведется на отделениях философии, культурологии, религиоведения, конфликтологии и прикладной этики.

* **Борис Васильевич Марков** — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ История философского факультета нашла отражение в мемуарной литературе. См.: Вспоминая философский факультет / сост. Б. В. Марков, А. В. Малинов. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2015. 360 с.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Уходит поколение людей, родившихся до войны. Их роль и значение в истории нашей страны еще по-настоящему не оценены. Страна и сегодня живет плодами их труда. Гораздо менее понятно их значение с точки зрения психоистории. Одни политологи считают, что они прожили жизнь с мироощущением победителей, а другие — что они были жертвами авторитарного режима. Для тех, кто хочет знать, каково было в прошлом, тем, кто хочет любой ценой испытать тяжесть пограничного опыта, необходимо познать эластичность сопротивления. Изменение условий существования не линейно воспринимаются людьми, нет объективного порога, за которым ухудшение условий становится непереносимым. Людей, способных выдержать трудные испытания, называют стоическими. Однако есть такие ситуации, когда речь идет не о самоиспытании, а о прошлом, где условия существования радикально отличались от современных.

Для поколения 90-х попытки самоиспытания стали артефактом, играми, не связанными с приближением к границам выживания. Также нарастающие сегодня игры с властью — это выдумка, которая не имеет дела с реальностью. Такие игры опираются на допущение, что больше нет никакой реальной или виртуальной силы, воздействующей на людей. Здесь речь не о сопротивлении власти; наоборот, предполагается, что ничего не нужно бояться. Поколение, которое слабо представляет, какие испытания выпадали на долю предшественников, не должно ощущать зависть от того, что им уже не представится возможность удачно или неудачно противостоять экстремальным рискам. Необходимо преодолеть убеждение, что опыт одного поколения полностью подходит для другого, и попробовать действовать по-новому. Но как это делать, не может быть с точностью установлено. Несмотря на это, нельзя отрицать стремление знать наперед, что будет потом. Только нужно учитывать, что в случае проявления угроз, равных прежним, возможна другая реакция людей.

Пандемия COVID-19, так или иначе, накладывает свой отпечаток на сознание человека. Она заставляет, во-первых, пережить опыт существования в экстремальных ситуациях, а во-вторых, думать о том, как сложится жизнь дальше. В этих условиях самое время вспомнить о том, как выходили из затруднений люди, жившие в более суровых условиях, чем нынешние. В упрек старшему поколению ставят исполнительность и безынициативность. Советская элита считается не модернизационной. Ее послушность и сегодня является одной из причин того, что мы продолжаем жить в обществе, которое никому не нравится. Не страх преследования за убеждения (сегодня можно думать и говорить все, что угодно), а неуверенность в результате протеста — вот что удерживает от протеста. Советская интеллигенция подлежит обвинению

в разных грехах. Ее обвиняют в том, что она была инициатором перестройки, потом прибегла к шоковой терапии, то есть к насилию. Ее обвиняют в ангажированности, в том, что она обуржуазилась. Но не все так просто. В сталинские времена за слова могли посадить, в брежневские — лишить работы.

Бывшие партийные функционеры-карьеристы первыми стали сдавать партбилеты, а уж потом люди, пережившие репрессии. Когда это сделал М. С. Каган, вечером я ему позвонил, а он чуть не плакал, сказал, что в партию он вступил во время войны, на фронте. Интеллигенция мечтала о свободе, о повышении роли науки и техники, о повышении уровня жизни. К власти пришли экономисты-рыночники, опиравшиеся на либеральную модель приватизации, которые искренне заблуждались, что осуществляют реформы в интересах народа, а не олигархов.

Советскую интеллигенцию называют продуктом тоталитарной эпохи. На самом деле между партийной и интеллектуальной элитой существовал раскол, и он был одной из причин перестройки. Интеллигенция начала покидать партийные ряды, совершив тем самым серьезную ошибку, последствия которой не осознавались. Социальное развитие не подчиняется принципу сохранения. Это теперь ясно, что нужно было остановиться на «демплатформе» и придумать что-то вроде китайского варианта. Однако предпочли действовать по принципу «все или ничего». Это следует учитывать при составлении прогнозов относительно поведения будущей элиты. Элемент инакомыслия в ней, по идее, должен быть более внушительным. Но не следует преувеличивать его значение. На самом деле решения зависят от логики и порядков той структуры, в рамках которой они принимаются. Судя по всему, вряд ли они будут чужеземноразмерными.

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В 60-Е И 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Одни воспринимают университет как институт государства, репрессивность которого определяется формой политического режима. Другие, более удачливые, считают его храмом науки, оазисом свободы. Юбилеяры обычно произносят задравные речи. На самом деле истина, как всегда, лежит где-то посередине. Университет — это, конечно, не дом родной, но нельзя отрицать, что это, может, не идеальное, но лучшее среди возможных место науки. Как и во всяком другом государственном учреждении, на всех уровнях университетской жизни складываются человеческие взаимоотношения. И без их учета невозможно понять ни карьеру, ни интеллектуальную эволюцию того или иного сотрудника. Наряду с видимой административной структурой существует другая, «невидимая власть», для которой наука — это не только профессия, но и призвание. В советское время критико-рефлексивная функция философии сохранялась на неформальном уровне, в межличностных отношениях учителей и учени-

ков. Никаких «портфолио» не было, но мнения и оценки преподавателей учитывались при поступлении на работу и в аспирантуру. К сожалению, сегодня учитель-наставник стал анахронизмом. Из-за этого прерывается передача так называемого личностного знания, которое переходит из рук в руки.

Как антрополог я понимаю, что ценен род, а не индивид. Мы уже не верим в вечное возвращение, но живучесть этого мифа поражает. В «Политейе» Платон завершил свой анализ «политического» интерпретацией мифа о реке забвения. Когда человек уходит в иной мир и когда он возвращается оттуда, чтобы заново начать свой смертный путь, он переплывает реку забвения. С одной стороны, чтобы нить жизни не прервалась, он должен помнить о воздаянии или наказании за прошлую жизнь. С другой стороны, память может помешать новым начинаниям. Речь идет о преемственности поколений. С этим у нас проблемы. Все говорят о том, что разрыв поколений сегодня стал необычайно широким. Поскольку наши внуки похожи на нас, мы думаем, что люди не исчезают бесследно. На самом деле генетика не обеспечивает передачу культурной памяти. Возможно, забвение необходимо, чтобы начать все заново. Но все же желательно избежать ошибок прошлого. Для этого мы должны осмыслить, зачем жили и чего достигли, а главное, понять свои ошибки и предостеречь «сердитую молодежь» от их повторения.

При старом порядке философский факультет считался идеологическим учреждением. Учитывая деловые качества, творческие способности и моральный облик, разного рода комиссии отбирали претендентов по таким критериям, которые сегодня кажутся надуманным или устаревшим. Например, кроме высокого проходного балла, при поступлении на философский факультет ценился трудовой стаж. Нельзя не признать, что некоторые критерии отбора абитуриентов были по-своему справедливыми. Вопрос в том, насколько они были эффективны по части воспитания социальных качеств. Это актуально и сегодня, потому что выпускники университетов озабочены больше собственным, а не общественным благополучием. Часто «общественники» — так называли людей, занимавшихся неоплачиваемым трудом по поддержке общества, — превращались в обычных бюрократов, отказавшихся от высоких целей ради мелких привилегий. Тот, кто выбрал философию как профессию, должен следовать ее правилам. Но «мыслители на кухне» тоже ограничены логикой протеста. Успешным философом человека делает не только истина, которую черпают из книг, но социальное место, которое он занимает. Отсюда воспоминания непременно должны включать аналитику социальных пространств, в которых живут и работают люди.

Человек, окончивший университет, работающий по специальности, которая предполагает размышления о сути бытия, хочет он того или нет, принадлежит к интеллектуальной элите общества. Впрочем, движение по социальной лестнице начинается гораздо раньше и, вообще говоря, не является резуль-

татом свободного выбора. Чтобы жить, необходимо иметь профессию, и еще неизвестно, делаем ли мы правильный выбор, поступая на философский факультет. Почему среди тысячи профессий некоторые выбрали именно занятия философией? Профессия, конечно, древняя, но практически бесполезная. Чем руководствуются те, кто ее выбирает сегодня, когда все мыслят деньгами? Люди — прирожденные философы, но это не является причиной выбора профессии. В отличие от свободного мыслителя, профессия преподавателя связана с массой ограничений.

Семидесятые-восьмидесятые годы считаются застойными. На самом деле они были относительно мирными, в том числе и на внутреннем идеологическом фронте. Конечно, «инакомыслие» преследовалось, но при соблюдении, как сейчас говорят, некоторой «политкорректности» в университете работалось вполне комфортно. Критика носила «кухонный» характер в том смысле, что велась дома, куда еще приходили гости, а также в курилках библиотек и кулуарах конференций. Тем не менее напряжение постепенно возрастало, и «перестройка», начавшаяся с разговоров о «новом мышлении», стала клапаном, открывшим протестному мышлению выход на публичную сцену. На ней лидировали Попов и Афанасьев, называвшие социализм «командно-административной системой». Слоган оказался настолько захватывающим, что привел сначала к расколу, а потом и к распаду КПСС. Интеллектуальная элита смотрела на СССР с точки зрения либерализма как на «империю зла».

Теперь все понимают, что на самом деле крушение СССР было крупнейшей в истории катастрофой не только геополитической, но и культурно-идеологической. Сегодня проект модернизации если не совсем девальвировался, то все-таки подвергся сомнению. Врагами становятся уже не коммунисты, а капиталисты. «Торгаши», пришедшие на смену «героям», разрушили сначала крупные промышленные предприятия, а потом взялись за учреждения науки, культуры и образования. Скорее всего, ни возврат к социализму, ни движение к капитализму не являются хорошими путями к «светлому будущему». Поэтому сегодня следует не только критиковать капитализм и рынок, но и посмотреть на ошибки социалистического строительства. Скорее всего, именно они, а не происки внешних врагов, и были причиной крушения СССР.

ФАКУЛЬТЕТ В 90-Е ГОДЫ

Тяжелые для России 90-е годы для гуманитариев были, пожалуй, наиболее благоприятными за всю историю страны. В материальном отношении им жилось не легче остальных, но для «свободных умов» главным было отсутствие цензуры. Оглядываясь назад, я по-иному воспринимаю прошедшую эпоху потрясений. Она была тяжелой и по-своему поучительной. Казалось, каждый мог говорить и писать о том, что думал. Но на самом деле критика «командно-адми-

нистративной системы», «тоталитаризма» оказалась идеологией либеральных реформ. Поучительно в ней то, что мы оказались недалновидными в начале реформ и нерешительными, когда стало ясно, к чему они привели. В результате отсутствия широкого сопротивления народа собственность захватили злые и сильные люди, которые заботились о собственном благополучии, а не о процветании общества.

Если задача власти — всеми силами препятствовать возникновению чрезвычайных ситуаций, то задача философов — предупреждать об их наступлении и последствиях. Философия — это зеркало, в котором общество видит само себя. Прошедшие десятилетия были по-настоящему революционными в истории отечественной философии.

Конечно, советский марксизм по широте охвата населения Земли был и останется непревзойденным. Современная российская мысль поражает широтой охвата интеллектуального поля и, тем не менее, не получает никакого признания в мире. У нас представлены все направления современной философии, но на Западе мы никому не интересны. Возможно, потому, что пока мы заняты критикой советской философии и рецепцией западной мысли, мы еще не предложили ничего позитивного.

Поколение 90-х можно упрекнуть за то, что его представители остались всего лишь переводчиками и интерпретаторами трудов западных философов. Это объясняется тем, что они преодолевали отставание, которое возникло в условиях «железного занавеса». Но в чем проявляется оригинальность современной российской философии? Отсутствие ответа на этот вопрос вызвано тем, что мы не понимаем, в каком обществе мы живем и каков образ желаемого будущего. Отсюда неясности относительно культуры вообще и «русской идеи» в частности.

История трансформации советской философии в 90-е годы нуждается в переосмыслении. Смена элит на факультете произошла под влиянием политической ситуации, но почти «бескровно», так как бывшие заведующие кафедрами были в основном преклонного возраста. Что же произошло в эпоху перестройки? Ответ на поверхности: критиковали марксизм как утопию, оценивали революцию как авантюру, которая привела к гражданской войне и репрессиям, отказались от диалектического и исторического материализма и начали изучать труды западных мыслителей. Философы при поддержке фонда Дж. Сороса занимались либо их рецепцией, либо мизологией, то есть критикой. Таким образом, мы «модернизировали» свою философию не в лучшем виде. Многие считают, что нужно было избавляться от принципа партийности, но сохранить марксизм.

Как известно, в истории нельзя игнорировать роль личности. Поэтому следует сказать несколько слов о руководителях. Большинство деканов факультета были яркими личностями и крупными учеными. В 40-е годы XX в.

факультетом руководил профессор М. В. Серебряков, в 50-е годы — профессор В. П. Тугаринов, в 60-е годы — профессор В. П. Рожин. В 1970–80-е годы деканами факультета были последовательно профессора В. Г. Марахов, А. А. Федосеев. В 1990-е годы все были озабочены усилением историко-философской составляющей нашего образования, и эту задачу с блеском выполнял Ю. В. Перов. Он и раньше увлеченно занимался не только научной, но и организационной работой, владел информацией и принимал правильные решения. Он решал задачи, используя как сильные, так и слабые стороны людей. Цели, которые он преследовал, были вовсе не личные. Перов собирал вокруг себя умных, надежных, талантливых людей и всячески способствовал их продвижению.

В эпоху перестройки начались поиски «нового мышления». Факультет возглавил Ю. Н. Солонин. Он всегда стремился быть не таким, как все, и дистанцировался от общепринятого. Но парадоксальным образом получал поддержку и имел хорошие связи, благодаря которым он стал тем, кем стал. Оригинальность солонинского ума проявлялась в несогласии с общепринятыми ответами. Отсюда его критичность. Впрочем, по мере вхождения во власть он становился все более осторожным и, наверное, будет упомянут в учебниках как представитель российского консерватизма.

При Ю. Н. Солонине, во многом благодаря поддержке Л. А. Вербицкой, факультет достиг пика своего развития. Взамен кафедр диалектического материализма, исторического материализма, критики современной буржуазной философии и социологии, научного атеизма, марксистско-ленинской этики и эстетики, появился целый ряд новых кафедр: онтологии и теории познания, социальной философии и философии истории, философии науки и техники, истории русской философии, философии религии и религиоведения. Были открыты новые образовательные программы, например философской антропологии. Отделение теории научного коммунизма было преобразовано в отделение политологии с кафедрами политологии, политических институтов и прикладных политических исследований, политических реформ России, международных политических процессов. Когда была введена подготовка по культурологии, появились кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, были открыты направление «Прикладная этика» и кафедра этики, кафедра еврейской культуры и кафедра философии и культурологии Востока, кафедра музейного дела и охраны памятников и направление подготовки «Музеология».

В 1999 г. были открыты направление подготовки «Конфликтология» и кафедра конфликтологии.

Директор Института философии С. И. Дудник, практически руководивший факультетом и в последние годы жизни Солонина, стал членом Совета Федерации, оказался в непростой ситуации. В 90-е годы сложилась благоприятная для гуманитарных наук ситуация. Их использовали как идеологию

перестройки. По инерции потребность в гуманитарном образовании оставалась достаточно высокой. Молодые люди хотели учиться не физике, а лирике. Спрос вызвал расширение гуманитарных факультетов. Естественно, это привело к перепроизводству специалистов. Когда фаза подъема пошла на спад, начались преобразования, в том числе и на философском факультете. Они усилились в ходе цифровой революции в системе образования в целом.

Экономисты рассматривают образование как форму производства и указывают, что производительность труда растет во всех сферах, кроме образования. Какие же способы повышения производительности они видят и внедряют? Кроме сокращения штатов уменьшается время обучения. Интерактивные онлайн-курсы могут восприниматься в любой точке земного шара, где есть доступ в интернет, и позволяют контролировать и оценивать уровень освоения материала. Таким способом возможно решение проблем доступности, мобильности, уравнивания, то есть снятия различия между престижными и остальными университетами. Но на практике это приводит к тому, что преподаватели, передающие знания и умения, так сказать, из рук в руки, оказываются невостребованными. Собственно, новая конкурсная система это совершенно ясно обнаруживает. Сначала казалось, что уровень профессиональной подготовки станет выше, если университетские преподаватели будут публиковаться в высокорейтинговых зарубежных журналах. Но проблема гуманитариев состоит в том, что наши оценки не совпадают с мнениями зарубежных коллег. Это естественно, так как науки о культуре, в том числе и философские, представляют собой своеобразные иммунные системы, защищающие свою культуру от внешнего воздействия. Речь идет не о закрытости, как во времена «железного занавеса», а об освоении чужого с пользой для себя. Если в России произошла перестройка и мы стали более открытыми, то в Европе она даже не начиналась, а в последние годы пошла в ход, казалось бы, давно устаревшие понятия чужого и даже врага.

КАФЕДРА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Я учился на философском факультете Ленинградского государственного университета в 1966–1971 гг. С 1971 по 1974 г. был в аспирантуре, по окончании защитил кандидатскую диссертацию, а в 1986 г. — докторскую диссертацию. Работаю в Санкт-Петербургском государственном университете с 1974 г. в должности ассистента, потом доцента, с 1989 г. — в должности профессора. С 1989 по 1994 г. был заведующим кафедрой онтологии и теории познания, а с 1994 по 2014 г. — заведующим кафедрой философской антропологии. С 2014 г. — профессор Института философии. Моя интеллектуальная эволюция начиналась с разработки проблем философии и методологии науки на основе аналитической философии языка. Кандидатская диссертация была

посвящена проблеме верификации научных гипотез, а докторская — проблеме обоснования теоретического знания уже с учетом достижений феноменологии и герменевтики. В 1990 г. я был выбран заведующим кафедрой диалектического материализма, которую после бурных обсуждений преобразовали в кафедру онтологии и теории познания. Оба направления опирались на традиции, заложенные В. И. Свидерским, Л. О. Резниковым, В. А. Штофом и др. Они нуждались в обновлении с учетом результатов современной западной философии. Проект онтологии и теории познания, основанный на рецепции фундаментальной онтологии Хайдеггера, а также современных французских философов, представлен в трудах «Метафизика», «Онтология», «Философия», которые оказались весьма востребованными и недавно снова переизданы в московском издательстве «Юрайт».

Создание кафедры философской антропологии в 1994 г. преследовало образовательные и научные цели — разработку современной теории, способствующей лучшему пониманию места человека в мире и поиску новых путей развития общества. Проблема человека по традиции занимала в философии центральное место, и поэтому освоение этой проблемы само по себе представляет важнейшую культурную задачу. Согласно эволюционной теории, постепенно, шаг за шагом благодаря естественному отбору возник наиболее приспособленный вид живых существ под названием *Homo sapiens*. Биологи, замороженные такими признаками как большая масса мозга, прямохождение, интеллект, язык, способность к труду и общению, не обращали внимания на явные недостатки, такие как слишком раннее рождение, неприспособленность к естественной окружающей среде, затянутый период детства и др. С точки зрения адаптации многие свойства человека выглядят излишними и даже ненужными. Все это заставляло искать ответ на загадку формирования человека не только в природе, но и в культуре. Именно она образует искусственную среду обитания, своеобразную не только материальную (жилище, орудия труда), но и духовную или символическую защитную оболочку (миф, религия, история), оберегающую человека от опасных воздействий внешней среды, будь то холод или голод, от чужих мифов и верований. В 1993 г. я написал книгу под названием «Разум и сердце», а потом «Храм и рынок» (1997), где исследовал различные проекты философии человека и искал новые пути развития философской антропологии. Для этого пришлось освоить массив знаний о человеке, накопленный в современной западной философии. Я написал множество обширных предисловий к трудам таких популярных авторов, как Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, П. Слотердайк, Т. Адорно и др. При этом стремился раскрыть возможности той или иной концепции в условиях современности. Примером такого подхода является монография «Человек, государство и Бог в философии Ф. Ницше» (2005).

В противоположность как фундаменталистским, так и «постимперским» концепциям я опирался на опыт соседства как форму мирного соревнования

между людьми и народами. Своеобразие концепции, разрабатываемой в условиях «смерти человека», то есть инфляции традиционного образа человека, состояло в аналитике повседневной жизни, в описании влияния социальных и культурных пространств на формирование человеческих качеств. Под влиянием медиального поворота я обратился к анализу визуальных и иных неинтеллектуальных практик воспитания людей. В книге «Знаки бытия» (2002) раскрыта культурно-воспитательная роль книги и чтения, которые не только просвещают, но и нормализуют страсти и желания. В работе «Знаки и люди» (2011) были исследованы аудиовизуальные технологии. Социально-политические аспекты антропологической диагностики представлены в книге «Понятие политического» (2007), «Человек в условиях современности» (2013, 2015) в издательстве «Владимир Даль» готовится книга под названием «Философия протеста».

Оглядываясь назад, на 25-летнюю историю кафедры философской антропологии, я думаю, что кафедры, как и театральные коллективы, тоже переживают периоды расцвета и упадка. В потоке становления, в свободной игре сил разрушаются даже горы. Еще более короткими оказываются периоды существования государств с его институтами. Конечно, нашему университету 300 лет, но это не вечность. Что уж говорить про кафедры. Но если в окружающей среде не происходит катастрофических изменений, то на место одного коллектива приходит другой и научная жизнь продолжается. Таким образом, развитие научного подразделения определяется в основном двумя факторами: устойчивостью среды и творческими мутациями коллектива, который одновременно приспосабливается к ней и создает ее.

МЕСТО ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Полвека преподавая философию, написав множество статей, больше десятка толстых книг и столько же учебников, прочитав сотни лекций и десятки докладов на конференциях, я сомневаюсь, зачем я жил. Эйфория 90-х, когда говорили о новом мышлении, сменилась равнодушием государства и общества к философии. Действительно, нужна ли философия сегодня? Можно понять власть, ей не нужны «свободные умы». Но почему общество пребывает в спячке и не желает ничего слышать о своей деградации? Ведь философия — это зеркало, в котором человек видит самого себя и может спросить, правильно ли он живет. Философские описания общества способствуют видению его перспектив, позволяют корректировать развитие. Задача власти — всеми силами препятствовать возникновению чрезвычайных ситуаций, а задача философов — предупреждать об их наступлении и последствиях.

Когда я прохожу по коридору главного здания или захожу на кафедры к филологам и историкам, то вижу галерею портретов, изображающих великих

ученых прошлого. Как ребенка, прикоснувшегося к коре столетнего дерева, меня охватывает священный трепет, и возникает чувство причастности к вечному. Наши предшественники были не только крупными учеными, но и хорошими организаторами — руководили кафедрой, факультетом, а некоторые университетом. Сегодня настало время эффективных менеджеров, которые не разбираются в существе дела, а занимаются производством и продажей товара под названием «научное открытие» или «образовательная услуга». Таковы законы рынка. Наверху уже не осталось людей, которые разбираются в управлении наукой и образованием. Многие видят проблему в коррумпированности. На самом деле руководители поставлены в такие условия, что вынуждены превращать учебное заведение в предприятие по оказанию услуг. Знание превращается в товар, который должен быть продан.

В погоне за повышением рейтинга не следует забывать о миссии университета. Университет должен готовить специалистов с государственным складом ума, способных принимать ответственные решения. Поэтому студентов нужно обучать не только проходить тесты и сдавать письменные экзамены, но и думать. Если раньше готовили элиту, то сегодня многие студенты приходят в университеты не за знаниями, а за дипломами. Преподаватели «натаскивают» учащихся на тестах. Это годится для запоминания фактических данных, но не способствует самостоятельному мышлению. Студент должен не только знать, но и понимать. Между тем вопросы тестов чисто функциональны и нацелены на количественные данные. Лекции должны быть критико-аналитическими, проблемными и одновременно творческими, то есть кроме критики открывать перспективы решения проблемы. Старая система проверки была жесткой. Экзамен протекал в форме серьезного разговора о проблемах науки и требовал предельного напряжения. Зато он и запомнился на всю жизнь.

По мнению гуманитариев, именно новые медиа и созданные с их помощью интерактивные образовательные программы являются главными причинами падения качества образования. Если школьники и студенты перестают читать книги и слушать авторские лекции, то крах образования неизбежен. Учебники превращаются в комиксы, а лекции — в презентации. Появилось слово «видиоты», означающее экранных учеников. Оглуляющее влияние видеокультуры видится в том, что зрелища скорее бестиализируют, чем гуманизируют зрителей. Не следует пугать страшилками, но, прежде чем приступать к практическим преобразованиям, полезно пофилософствовать о том, какое образование, какие университеты, а главное, какие образовательные технологии использовать сегодня. Фундаментальное знание требует философствования. Оно протекает в форме диалога. Поэтому нужно создать такие электронные ресурсы, которые являются «открытыми», то есть учат думать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ФАКТЫ И ЦЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Сегодня в обществе знаний не только информация, но и культурная память становится символическим и политическим капиталом. Можно привести множество примеров столкновения фактов с нашим пониманием прошлого. Как исследователи мы не можем не считаться с фактами, но нельзя судить о прошлом только на основании фактов. Нужно понимать и учитывать намерения людей, которые делают историю. Ядром исторической памяти являются наши ценности, точнее, наши оценки прошлого. Одни — историки — описывают прошлое, как деяния великих людей, героев. Другие — юристы — воспринимают его как «темное», «бесправное», «тоталитарное» время. Это не значит, что факты не нужны. Напротив, их сбор, обсуждение, оценка — ядро памяти.

Сегодня манипуляция исторической памятью происходит по правилам, диктуемым массмедиа. Журналисты и публицисты стремятся открыть нечто «жареное». Кажется, тем самым они дают работу историкам и способствуют установлению исторической правды. К сожалению, даже серьезные историки и философы на телевизионной арене превращаются в шоуменов, которые наподобие гладиаторов действуют по принципу: победы, или умрешь. В «боях за историю» не до истины, главное — уничтожить противника.

Историческая память является сложным конгломератом объективных фактов, субъективных целей акторов и интерпретаций историков. Высказывания о ценностях отличаются от высказываний о фактах. Первые предполагают признание, вторые действуют независимо от него. Поэтому кажется, что ценности субъективны и не могут быть основой науки. На самом деле любое социально-историческое исследование проводится с определенных позиций и предполагает образ будущего. Ценности заложены в социальных науках как глубинные предпосылки.

Научная беспристрастность, к которой призывал М. Вебер, налагает запрет на пропаганду ценностей, но это не исключает признания ценностных предпосылок у субъектов истории. Поступки человека могут определяться как материальными причинами, например голодом, так и ценностными установками. В науках о культуре учитываются ценности, на основе которых исторические деятели принимали те или иные решения. Вопрос в том, означает ли такая отнесенность к ценностям допустимость их оценки, то есть можно ли применять к ним современные моральные или иные критерии? Ценности, конечно, не универсальны, но и не индивидуальны, они формируются внутри сообщества и выступают как нормы и коды поведения. Поэтому историк, например, должен учитывать их роль в человеческой деятельности. Но может ли он оценивать прошлое критериями, принятыми в современном обществе? Не превратится ли исследование в суд над историей?

Для ответа на вопрос о подсоединении фактов, ценностей и оценок можно использовать аналогии с принципом дополнительности приборов и описаний, фиксирующих различные аспекты реальности.

Нет единого универсального и тем более абсолютного знания, есть разные дисциплины, каждая из которых применяется в своей предметной области. Отвечая на актуальную проблему различия исторических фактов и исторической памяти, следует опираться не только на возможности социальных теорий, но и на здоровый человеческий рассудок. В нормальном состоянии общества люди имеют время и возможности неторопливо дискутировать на тему исторического выбора. Однако в чрезвычайной ситуации политики полагаются на свое «чутье». К сожалению, эти решения нередко оборачиваются тяжелыми последствиями. Поэтому одна из задач философии истории состоит в аналитике своеобразных «слепых зон» символического пространства, то есть необсуждаемых традиций, верований, настроений и т. п. Это похоже на попытку разбудить спящего медведя и потому небезопасно. Выход в том, чтобы показать, что они не являются естественными продуктами исторического опыта или непосредственными душевными переживаниями вроде чувства солидарности или справедливости. Раскрывая сложные, чаще всего невербальные технологии формирования исторической памяти, философия оказывает обществу важную услугу — способствует освобождению от устаревших стереотипов, преодолению ресентиментных настроений и формированию новых позитивных ценностей, на основе которых можно жить лучше.

Актуализация исторической памяти ставит новые сложные задачи. Наши дети лишены живой памяти о прошлом, они питаются той историей, которую создают журналисты и ведущие телешоу. Даже социальные сети, где, казалось бы, каждый может сообщить то, что было на самом деле и что он думает об этом, не являются носителями живой памяти об истории. Очевидцы, непосредственные участники событий нередко рассказывают ужасные подробности, которые лучше не знать. На самом деле они не позволяют понять социальный смысл истории. Вместо осмысления того, почему нечто стало возможным, массмедиа демонстрируют зверства, которые притупляют сострадание и делают жестокость чем-то обычным. Ленты новостей, где одна хуже другой, репортажи с места событий, демонстрирующие страдания жертв, не сопровождаются ни комментариями, ни дискуссиями. И даже специальные телешоу, имитирующие общественное обсуждение, на самом деле отвлекают от размышлений, так как превращаются в своеобразную борьбу на ринге. Это не агора, а Колизей.

Благодаря воспоминаниям осуществляется связь поколений. Но для этого должны быть какие-то зародыши общей протокультуры, должны быть экзистенциальные точки соприкосновения. Общие переживания и представления складываются на основе практик взаимодействия с природой и людьми

в том или ином историческом контексте. Эти коллективные представления озвучиваются в языке, передаются музыкальными, живописными, художественными и иными произведениями. Они первоначально складывались благодаря ландшафту, климату, охоте или земледелию, а также в процессе труда и развлечения. Важную роль играют простые вещи. Мы слишком мало уделяем внимания тому, каковы антропогенные последствия, например, бытовой техники. А между тем мобильные телефоны произвели революцию, может быть, более радикальную, чем политические перевороты XX столетия. Столь же важными становятся изменения форм труда и, конечно, индустрия отдыха и развлечений.

Глобализация сопровождается гомогенной темпорализацией и одновременно фрагментацией, выделением национальных мифов.

Светский модерн уступает место этнонационально-религиозному обществу. Оформляется тирания нового рода, которую одни называют «нелиберальной демократией», другие «либеральным консерватизмом». Возвращение в прошлое обусловлено поисками идентичности. Идеологическая пустота привела к множеству конфликтов на религиозной или национальной почве. Неверно понимать эти явления как повторение архаичного прошлого. Религиозность и национальная идентичность сегодня восстанавливаются в перформативной форме. Очевидно, что интерес к прошлому активно эксплуатируется. Это форма проявления культурного капитализма. Традиция — уже не социальный код, а игровая фигура, декорация.

Самоописания общества историками, социологами, философами должны опираться не только на внешние факторы, но и на психоисторию, то есть реконструкцию сознания людей. Изучение общественного мнения с точки зрения политологии необходимо, но недостаточно. На него реагируют либо мелкими подачками, либо пропагандой, обвиняющей в обострении внутренних трудностях внешних врагов. На самом деле следует подходить к проблемам недовольства и протеста с философских позиций. Если исключить крайние формы ресентимента, порождающего жажду реванша, то в нормальном состоянии общества настроения, чувства, переживания, мнения людей являются индикаторами перемен. При этом одни верят, что на основе новых технологий можно будет жить лучше. Другие, наоборот, боятся опасных последствий и призывают назад, к восстановлению традиций. Эти споры являются вечными. Исходя из принципа наименьшего зла, можно предложить ситуативную тактику их решения. Модернизация предполагает открытость и содержит опасность утраты идентичности. Закрытость, наоборот, обрекает на застой. Поэтому остаются рискованные игры своего и другого. В сущности, еще не вполне ясно, выиграл университет или проиграл, включившись сначала в Болонский процесс, а потом в онлайн-образование. В любом случае можно пожелать будущим универсамтам проявлять осторожность и не завышать ставки в подобных играх.